

Анатолий Васильевич Луначарский

**Об искусстве. Искусство на
Западе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А64

А64 **Анатолий Васильевич Луначарский**
Об искусстве. Искусство на Западе / Анатолий Васильевич Луначарский – М.:
Книга по Требованию, 2012. – 426 с.

ISBN 978-5-4241-3369-5

Настоящая книга Луначарского (1875— 1933), первого наркома просвещения, искусствоведа и критика, посвящена западному искусству. Автор анализирует художественную жизнь Франции, Германии, Италии последних десятилетий XIX в. и первых трех десятилетий XX в., рассказывает о сокровищах изобразительного искусства прошлых веков, находящихся в музеях Италии, Франции и Голландии. Некоторые работы Луначарского, в том числе большой цикл «Философские поэмы в красках и мраморе», печатавшиеся в журналах и газетах, впервые собраны в книге.

ISBN 978-5-4241-3369-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

ОБ ИСКУССТВЕ. ТОМ 1
(Искусство на Западе)

В двух томах
Составление сборника,
подготовка текста к печати
и примечания
И. А. САЦА и А. Ф. ЕРМАКОВА
Предисловие И. А. САЦА

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Изданный при жизни А. В. Луначарского сборник его статей и речей по вопросам изобразительного искусства «Искусство и революция» (1924) содержал всего лишь десять названий. Посмертный сборник (Луначарский А. Статьи об искусстве. М. — Л., 1941, сост. И. Сац) был подписан к печати 8 марта и отпечатан в Ленинграде незадолго до начала войны. Почти весь его тираж (3000 экз.) сгорел на складе. Поэтому первым изданием, давшим представление о различных сторонах работы Луначарского в данной области, явился двухтомный сборник «А. В. Луначарский. Об изобразительном искусстве» (М., 1967, сост. И. Сац). Издание 1967 года воспроизводило далеко не все работы Луначарского, зарегистрированные в библиографическом указателе К. Д. Муратовой «А. В. Луначарский о литературе и искусстве» (Л., 1964), однако оно значительно полнее сборника 1941 года.

Предлагаемое читателю издание содержит также не все работы Луначарского, учтенные в новейшем библиографическом указателе (Анатолий Васильевич Луначарский. Указатель трудов, писем и литературы о жизни и деятельности. В двух томах. Том I. Труды А. В. Луначарского. М., 1975). Вне сборника остался ряд статей, написанных по случайному поводу и в наиболее существенной своей части повторяющих другие статьи, где та же тема разработана более глубоко. Однако мы должны предупредить читателя, что он не найдет здесь и некоторых работ, несомненно заслуживающих переиздания.

Настоящее издание, как убедится читатель, не повторяет сборник 1967 года: с одной стороны, оно заметно пополнено многими новыми статьями и материалами (около двадцати статей в основном корпусе), имеет более основательные комментарии, с другой, — в него не вошли некоторые работы, стенограммы докладов и речей, представляющиеся составителям менее интересными. Здесь нет и таких эстетических трудов Луначарского, как «Ленин и литературоведение», «Основы позитивной эстетики», «Диалог об искусстве», что оправдывается тем, что они переизданы и легко доступны читателю, а также тем, что сборник составлен почти исключительно из художественно-критических статей, а теоретические статьи в нем почти не представлены.

При издании сочинений Луначарского встречаются специальные текстологические трудности. Многие его статьи записаны под диктовку, большей частью стенографическим способом; иногда это стенограммы публичных выступлений. Ошибки здесь неизбежны, многие из этих ошибок перешли и в первопечатные тексты и в некоторые переиздания. Особенно осторожно следует относиться к текстам, которые подверглись редактуре в журналах и газетах, куда Луначарский иногда отсылал спешно требуемые статьи, не проверяя текст и не поручая это своему секретарю (бывало нередко и так, что Луначарский диктовал статью по телефону).

Составитель сборника 1967 года (статьи из которого перепечатываются в настоящем издании без изменений) считал себя обязанным по возможности освободить текст и от случайных описок и от чужеродных вставок. Ему пришлось пользоваться, во-первых, сопоставлением каждой из статей с другими статьями Луначарского на ту же или сходную тему; во-вторых, изучением кон-

спектов, записок или пометок Луначарского на полях книг (или каталогов выставок) и, в-третьих, той работой, которая была начата в 1932 году, когда под непосредственным наблюдением автора он подготовил ряд статей для предполагаемого издания Собрания сочинений. Тексты же, подготовленные к переизданию самим автором (или по его указаниям), но не изданные при его жизни, считались последней прижизненной редакцией.

Тексты, которые не были включены в издание 1967 года, публикуются в настоящем сборнике по первопечатным источникам с устранением лишь явных опечаток и ошибок.

Ряд не изданных при жизни автора стенограмм докладов и речей (полностью или частично) помещен в Приложениях, так как они или не могут считаться вполне аутентичными авторскими текстами, или имеют значение дополнительных материалов.

И. А. Сац, А. Ф. Ермаков

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое читателю двухтомное собрание избранных работ Анатолия Васильевича Луначарского об изобразительном искусстве выходит почти через пятнадцать лет после того, как аналогичный двухтомник выпустило издательство «Советский художник». Потребность в новом издании объясняется не только тем, что книги 1967 года разошлись в первый же месяц, или тем, что в новое собрание включены статьи, которых не было в предыдущем. Еще большее значение имеет перемена в судьбе литературного наследия Луначарского, происшедшая в последние два десятилетия.

Взросший интерес к деятельности и жизни Луначарского вызвал интенсивное соби́рание и публикацию его неизданных рукописей. Научные издания более общего характера обрастают воспоминаниями и специальной исследовательской литературой о Луначарском не только как о художественном критике, но также как о государственном деятеле, педагоге, дипломате, пропагандисте. Многие авторы говорят о живом значении его идей для нашего времени и, что не менее важно, отмечают внутреннюю связь его литературных работ, написанных по самым разнообразным поводам.

Все большее число исследователей приходит к убеждению, что универсализм Луначарского, в котором обычно видели лишь проявление его личных способностей и широкой образованности, имеет и другую, более общую причину. Чтобы ее выяснить, обратимся сперва к истории формирования его мировоззрения.

Значительная часть сочинений Луначарского написана в те дореволюционные годы, когда он принадлежал к возглавляемой А. А. Богдановым группе «Вперед». В 1909 году эта группа, все более превращавшаяся фактически в особую фракцию РСДРП, разошлась с ленинской фракцией, фракцией большевиков, объявившей, что не несет ответственности за деятельность «впередовцев».

Не все члены этой группы нашли в себе силу в дальнейшем пересмотреть свои ошибочные взгляды. Некоторые отошли от марксизма навсегда. И Луначарский далеко не сразу пришел к выводу о несовместимости с марксизмом неопозитивистских теорий Э. Маха и Р. Авенариуса, которыми он хотел дополнить марксизм. Но уже в 1913 году его статья («Эмиль Верхарн о социальном искусстве») появилась в ленинской газете «Правда», а последовательный интернационализм в вопросе о характере первой мировой войны еще больше сблизил его с большевиками. В 1917 году, возвратясь из эмиграции в Россию вслед за Лениным, он вернулся к большевизму и организационно — в партию РСДРП (б).

Эта сторона биографии Луначарского — политическая сторона — ясна, по крайней мере с фактической стороны. Сложнее обстоит дело с дооктябрьской историей философских взглядов Луначарского.

Вслед за «Кратким курсом истории ВКП(б)» (1934) в литературе упрочилась такая схема: в первый период своей сознательной жизни Луначарский был марксистом; в эпоху реакции, наступившей после поражения революции 1905 года, он стал (вместе с А. А. Богдановым) последователем эмпириокритицизма, идеалистической философии Э. Маха и Р. Авенариуса; с нарастанием же новой революционной волны в России возвратился к марксизму. Эта схема подкупает простотой и точным «прикреплением» идеологических колебаний к годам зна-

чительных политических событий. Но она расходится с действительностью *.

Вопрос этот немаловажен для верного понимания эстетической и художественно-критической деятельности Луначарского, поэтому мы должны на нем остановиться.

По свидетельству самого Луначарского, он познакомился с махизмом приблизительно в то же время, когда начал изучать доступную рядовому русскому читателю марксистскую литературу.

Еще учеником гимназии он встретился в Киеве с доктором философии Бернского университета Новиковым, который рассказал ему о концепции Авенариуса и рекомендовал сочинения В. В. Лесевича (того самого Лессевича, которого Ленин во второй главе «Материализма и эмпириокритицизма» назвал первым и крупнейшим русским эмпириокритиком). Ко времени окончания гимназии, — как сообщает о себе Луначарский в «Воспоминаниях о революционном прошлом», — у него «твердо установился план» — учиться в Цюрихе у П. Б. Аксельрода (марксиста) и у Р. Авенариуса (эмпириокритика). На этом раннем этапе выработки мировоззрения он пришел к ошибочной мысли о возможности соединить эти несоединимые системы. Между прочим, реферат «Идеализм и марксизм», прочитанный молодым Луначарским в 1898 году, также доказывает, что его философские взгляды с самого начала не были последовательно марксистскими.

Еще не до конца выяснено, что мог читать Луначарский в свои пятнадцать-восемнадцать лет. В «Воспоминаниях» он называет «Логiku» Дж. — С. Милля, «Политическую экономию» А. И. Чупрова, сочинения Ч. Дарвина, Г. Спенсера, Г. — Т. Бокля, русских писателей-народников — Н. К. Михайловского, П. Л. Лаврова (Миртова), Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева и других — то, что читали в любых молодежных кружках самообразования. Кроме этого Луначарский называет «Капитал» (вероятно, т. I) и «нелегальную литературу социал-демократического характера» — что уже отличало революционно настроенный ученический кружок Луначарского от большинства других, неопределенно демократических**.

** Такая схема воспроизведена в «Философской энциклопедии», т. 3 (1964 г.) и, к сожалению, также в предисловии «От составителей» к т. 1 библиографического указателя «А. В. Луначарский...», изданного Библиотекой имени В. И. Ленина в 1975 г.*

*** И. Н. Мошинский (Ю. Конарский) в своих воспоминаниях об ученических кружках 1-й киевской гимназии (журнал «Каторга и ссылка», 1927, № 6) называет еще работы русского марксиста Н. Зибера, «Эрфуртскую программу» К. Каутского и исторические работы Маркса (которые читали в своем кружке главным образом киевские гимназисты-поляки).*

С помощью этой литературы уразуметь философский метод, лежащий в основе «Капитала», было невозможно. Тем важнее выяснить, что еще из марксистской литературы могло быть доступно Луначарскому до его встречи с П. Б. Аксельродом и Г. В. Плехановым в Швейцарии.

«Манифест Коммунистической партии» впервые появился в русском переводе в 1869 году и ходил по рукам в списках. «Положение рабочего класса в Англии», знали в изложении Н. В. Шелгунова (его статья «Рабочий пролетариат в Англии и Франции», впервые напечатанная в 1861 году в журнале «Современник», была

издана в Собрании его сочинений в 1872 году).

«Анти-Дюринг» — единственная изданная к тому времени работа, в которой были систематически изложены принципы марксистского мировоззрения в целом, — появилась на немецком языке лишь в 1885 году, а до того публиковались отдельные главы (полностью первый отдел). В России Н. Зибер напечатал в 1879 году (журнал «Критическое обозрение») рецензию на эту работу Ф. Энгельса и в журнале «Слово» дал впервые на русском языке сокращенный перевод первого отдела и трех глав из третьего отдела. Тремя главами из «Анти-Дюринга» на тему о революционном насилии сопровождала свой перевод брошюры Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» В. Засулич — но издано это было в Женеве в 1884 году; первый перевод всего «Анти-Дюринга» с цензурными купюрами появился в России лишь в 1904 году, полный же перевод — в 1907-м.

В очерке «Несколько встреч с Георгием Валентиновичем Плехановым» Луначарский пишет, что до личного знакомства с ним имел «блестящие впечатления о «Наших разногласиях» и некоторых его статьях».

«Наши разногласия», написанные в 1884 году, были опубликованы в третьем выпуске женеvской «Библиотеки современного социализма» лишь незадолго перед приездом двадцатилетнего Луначарского в Швейцарию в 1895 году. Скорее всего, он до того знал брошюру Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба», изданную той же «Библиотекой» в 1883 году, — если не в подлиннике, то в рефератах: в ней содержались основные положения «Наших разногласий». Эта работа Г. В. Плеханова должна была оказать большое влияние на юношу. Но мог ли он найти и в ней ответ на те вопросы, которые его больше всего волновали? Не забудем, что, по его словам, главное, к чему он стремился уже тогда, было «выработать свое целостное мировоззрение». В этой работе Плеханова общие философские принципы марксизма нелегко было выделить из полемики с народниками, бакунистами, прудонистами, бланкистами о путях развития капитализма в западных странах и России и о ближайших политических задачах русских революционеров.

Исследователям вопроса о литературных источниках, повлиявших на формирование мировоззрения молодого Луначарского, еще немало предстоит поработать. Но уже сейчас можно сказать, что марксизм был для него в конце 80-х — начале 90-х годов главным образом экономической и политической концепцией; в прочитанной марксистской литературе, по собственному признанию, он находил лишь «немногие, но гениальные положения, которые установлены самим Марксом в его скудных страницах, но богатом содержанием философском наследии». Отсюда и вывод: «Я чувствовал, что необходимо подвести некоторый... позитивный философский фундамент под здание Маркса» *.

* Луначарский А. В. *Воспоминания и впечатления*. М., 1968, с. 18—19.

Биография Луначарского заключала в себе, как видим, предпосылки к тому, чтобы на первом этапе ознакомления с марксизмом он был меньше защищен от соблазнов идеалистической (позитивистской, «неопозитивистской») философии, чем те учившиеся марксизму молодые люди его поколения, которые ставили перед собой вопросы, непосредственно связанные с политической практикой революционера, или удовлетворялись усвоением истин, добытых другими. Однако вряд ли можно считать идейную судьбу Луначарского исключительной для его времени — для времени, когда Россия «выстрадала марксизм», преодолевая

не только народнические предрассудки, а всевозможные заблуждения и сомнения. Сошлемся на пример, может быть, наиболее показательный, так как речь будет идти об одном из виднейших теоретиков марксизма, человеке огромных знаний и философского таланта (притом старше Луначарского на двадцать лет).

Мы говорим о Георгии Валентиновиче Плеханове. К началу 80-х годов он стал известен как марксист. В полном согласии с Ф. Энгельсом писал о банкротстве теоретиков-дюрингианцев. Но совсем незадолго перед тем, в его статье 1878 года «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», мы читаем: «Родбертус, Энгельс, Карл Маркс, Дюринг образуют блестящую плеяду представителей позитивного периода в развитии социализма». Уже после статей Энгельса против Е. Дюринга он все еще не противопоставлял Марксу и Энгельсу К.-И. Родбертуса и Дюринга, а «дополнял» ими марксизм (как Луначарский Э. Махом и Р. Авенариусом).

Мы говорили до сих пор о русских марксистах. Но так ли уж просто и прямо складывалось в те же годы марксистское мировоззрение и в Германии, притом у людей, близко сотрудничавших с основоположниками марксизма? Ведь Август Бебель и Вильгельм Либкнехт не прочь были использовать теорию Дюринга для обогащения теории Маркса и даже затрудняли Энгельсу печатание «Анти-Дюринга»...

Пример А. Бебеля и В. Либкнехта доказывает, что недостаточное знание марксистской литературы не служит достаточным объяснением чужеродных примесей в мировоззрении последователей учения К. Маркса.

Нужно было такое массовое революционное движение, как в России, нужно было, чтобы развитие капитализма в экономически отсталой стране привело к формированию высокоразвитого пролетарского авангарда, и нужен был Ленин. К концу XIX — началу XX века именно Россия стала тем центром, куда с Запада переместилась подлинная теоретическая преемственность по отношению к классикам марксизма. Эти российские условия можно не обинуясь назвать общественными условиями, которые были в высшей степени благоприятными для Луначарского. При всей сложности своего пути к цельному мировоззрению он неизменно сохранял в своих взглядах одну важную черту, характерную для лучших русских марксистов. Близость революции, грандиозность задач, которые она должна была решать, не могла не решать, — все вступало в непримиримое противоречие с любой формой доктринерства. Плеханов, хотя и остановившийся перед последовательными революционными выводами и не чуждый догматизма, все же самой широтой культурного содержания своих работ вносил в теоретическое мышление такую широту и жизненность, какой не мог достигнуть даже в лучшую свою пору такой выдающийся немецкий теоретик, как Карл Каутский, в сочинениях об эстетике и этике.

У Луначарского, принадлежавшего к революционному крылу Российской социал-демократической партии, эта черта выявилась еще резче. Ему смолоду было свойственно восприятие теоретических проблем одновременно в их обобщенном и в непосредственном жизненном значении. В его мышлении отвлеченные категории как бы тяготели к тому, чтобы возратить себе материальность, принять живой конкретный образ. Часто эта тенденция выказывалась в литературном жанре его сочинений: «Идеи в масках», «Диалог об искусстве», «Философские поэмы в красках и мраморе» — уже эти названия показы-

вают неизменную потребность философски осознавать общие проблемы искусства в своем теоретическом, художественно-критическом или собственно художественном творчестве.

Внутреннее единство этих сторон мышления, на наш взгляд, недостаточно принимается во внимание пишущими о Луначарском. В частности, приводя слова Ленина в письме к М. Горькому (вторая половина 1913 г.) о том, что хорошо было бы отделить Луначарского от А. А. Богданова на эстетике, на первое место выдвигают организационную сторону дела — желание Ленина отделить от фракции А. А. Богданова и вернуть большевистской фракции полезного ей товарища. Было, конечно, и это. Но почему в тени остается другая, еще более важная сторона — эстетическая? Ведь именно о ней, о ее значении писал Ленин в письме к М. Горькому.

Известно, какое внимание уделял Ленин вопросам организации и тактики. Но также известно, что ради тактической или организационной цели он не поступался идейными принципами. Приведенные слова Ленина доказывают поэтому, что он и в годы расхождения с Луначарским—впередовцем (которое не привело к разрыву личных отношений, но, конечно, сопровождалось охлаждением) следил за тем, что пишет Луначарский, и видел, что в работах, более свободных от предвзятых гносеологических и эстетических неопозитивистских «установок», тот нередко им противоречит, а часто и вовсе о них забывает.

Яснее всего выступала марксистская основа мировоззрения Луначарского в его конкретно-критических работах, где понимание искусства как отражения общественной действительности, реального переплетения социальных сил, решительно брало верх над социологическими схемами А. А. Богданова. Но то же обнаруживало и сравнение двух эстетических работ Луначарского, написанных в один и тот же период жизни, — «Основ позитивной эстетики» (1904) и «Диалога об искусстве» (1905). Эти работы также могут служить примером того, что значили для Луначарского, для его теоретического развития свойственные ему чуткость к жизни, недоверие, можно даже сказать, отвращение к косным схемам. Если «Основы позитивной эстетики» — сочинение, хотя и с ложной целью написанное, но заключающее в себе немало интересных мыслей, — принадлежат главным образом к сфере теоретической и по материалу и по стилю изложения, то «Диалог об искусстве» по самому заданию построен был на столкновении различных современных взглядов на искусство, и, что всего важнее, в этих спорах открывается общественно-политическая подоплека эстетических взглядов. Спор об искусстве был здесь спором о жизни. Махистская догматика отступила благодаря этому на задний план, на первый выступили самостоятельные поиски истины, приводящие со всей естественностью к марксистским выводам.

От богдановской социологической схемы в вопросе о пролетарской культуре ничего не осталось в «Письмах о пролетарской литературе» (1914). А. А. Богданов исходил из абстрактного представления о классовом строении общества; если для марксиста общество на определенных этапах истории разделяется на классы, соотношение и границы которых изменчивы, то для А. А. Богданова классы — это имманентные сущности: каждый замкнут в себе, в своей психологии; общество не столько разделяется на классы, сколько складывается из них. Свою концепцию пролетарской культуры А. А. Богданов выводил из сконструированной им абстрактной «психоидеологии пролетариата». В противополож-